

ІЮНЬ.

1906.

РУССКОЕ БОГЯТСТВО

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ПОБѢГЪ. Повѣсть. Вацлава Стршевскаго.
2. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ М. Л. МИХАЙЛОВА.
3. ОГАРОКЪ. С. Кондурушкина.
4. ВЪ НАЧАЛѢ ЖИЗНИ. Окончаніе. Н. А. Морозова.
5. РАЗСКАЗЫ: 1. Тревога.—2. Руда.—
3. Какъ онъ запѣлъ.—4. Смута. А. Турнина.
6. САШКИНА ДОЛЯ. А. Сотскова.
7. АНДРЕЙ ФЕСТЪ. Романъ изъ крестьян-
ской жизни. Переводъ съ нѣмецкаго
З. А. Венгеровой. Продолженіе. Людвигъ Тома.
8. ОЛИВІЯ ЛАТАМЪ. Романъ. Переводъ
съ англійскаго А. Н. Анненской (Въ
приложеніи) Е. Л. Войничъ.
9. ДУХОВНАЯ ПИЩА РУССКАГО СОЛ-
ДАТА. К. Оберучева.
10. ПИСАТЕЛЬ ДЛЯ НАРОДА. Діонео.
11. „МЫ, БАЛТЫ“ (Письмо изъ Германіи). М. Рейснера-Реуса.
12. ПОЧЕМУ ИМЪ НЕ ВѢРЯТЪ? С. Елпатьевскаго.
13. БОРЬБА ЗА РЕФОРМУ избирательнаго
закона въ Австріи (Окончаніе). Л. Василевскаго (Пло-
хоцкаго).
14. АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ФИН-
ЛЯНДИИ Р. Оленина.
15. ПОЛИТИКА: Соціалисты во француз-

(См. 2-ую стр. обложки).

Духовная пища русскаго солдата.

Въ специально военныхъ органахъ въ послѣднее время приходится часто читать указанія на необходимость вести путемъ печати борьбу съ пропагандой крайнихъ партій, которая, будто бы, нашла свободный доступъ въ казарму. Мысли эти не новы,—боевое отношеніе къ печати, не специально сфабрикованной для казармы, идетъ уже много лѣтъ; если существуютъ ограничительные каталоги для народныхъ и школьныхъ библиотекъ, то сугубо ограничительные каталоги создаются циркулярами главнаго штаба для войскъ. Достаточно указать, что рассказъ «Махмудкины дѣти» Немировича-Данченко, допущенный въ бесплатную народную читальню, оказывается запрещеннымъ для солдатской читальни. Получается курьезъ. Деревенскій мальчикъ въ школѣ могъ прочесть этотъ рассказъ, сохранилъ, быть можетъ, книжку у себя на память, а по приходѣ на службу узнаетъ отъ начальства, что книжка эта запрещенная, и что, читая ее, онъ совершаетъ преступленіе.

Вотъ какіе курьезы даетъ жизнь, благодаря обилію циркуляровъ и особому стремленію оградить мысль и чувство солдата отъ якобы вреднаго вліянія. Отсюда всего лишь одинъ шагъ до специальнаго изготовленія особой литературы, а разъ есть требованіе на такую специальную литературу, то, конечно, найдутся и авторы и издатели, ее поставляющіе.

Однимъ изъ крупныхъ поставщиковъ печатной макулатуры, изготовляемой специально для солдатскаго чтенія, является г. В. А. Березовскій. Въ тысячахъ экземплярахъ расходятся издаваемые имъ, подъ общимъ заглавіемъ «Солдатская библиотека», книжечки и двухлисточки.

Отсутствіе у людей, завѣдующихъ солдатскимъ чтеніемъ, знакомства съ литературой вообще и народной въ частности, съ одной стороны, вѣра, что военное книгоиздательство, столь распространенное въ военной средѣ, даетъ хорошіи матеріалъ для чтенія солдатамъ,—съ другой, и, наконецъ, рекомендаціи и прямые приказанія со стороны начальства наполнять ротныя библиотеки военными изданіями,—все это приводитъ къ тому, что въ большинствѣ воинскихъ частей солдатъ имѣетъ для чтенія почти исключительно «Сол-

датскую бібліотеку» г. Березовскаго. Прибавьте къ этому, что на значительномъ большинствѣ книжекъ г. Березовскаго имѣется штемпель: «Одобрено циркуляромъ Глав. Шт. №...» «Одобрено Минист. Нар. Просв. для ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній», «Допущено Мин. Нар. Просв. къ обращенію въ народныхъ школахъ», «Допущено Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. въ безплатныя народныя читальни и бібліотеки»; прибавьте также, что г. Березовскій издатель опытный и предприимчивый, широко пользующійся рекламою и имѣющій въ своемъ распоряженіи два журнала, — и вы поймете, какое широкое распространеніе должна имѣть его «Бібліотека», «Развѣдчикъ» и «Вѣстовой». Несмотря, однако, на такую распространенность изданій г. Березовскаго, специально предназначенныхъ для казармы, они какъ-то вовсе не подвергались критикѣ.

Пишущему эти строки не удалось найти не только отзывы, но даже простого упоминанія объ этихъ книжкахъ въ огромномъ трудѣ харьковскихъ учительницъ: «Что читать народу», три тома котораго содержатъ разборы не одной тысячи книгъ специальной народной литературы. Точно такъ же ничего не оказалось ни въ двухъ выпускахъ Кіевского общества грамотности «Народная Литература», ни въ другихъ аналогичныхъ изданіяхъ.

Такой индифферентизмъ къ специально народной (солдатской) литературѣ можно объяснить, но не оправдать, только полнымъ незнакомствомъ обозрѣвателей, кружковъ и комиссій съ этимъ отдѣломъ, благодаря тому, что изданія г. Березовскаго имѣютъ распространеніе почти исключительно въ казармѣ, таеъ какъ специально для нея изготовляются.

«Солдатская бібліотека» выпускается комплектами по двадцати книжекъ. Въ настоящее время выпущено уже шестнадцать комплектовъ, т. е. 320 книжекъ. Вся эта «литература» лежитъ передо мною, и о ней-то я и хочу вести рѣчь.

Внѣшній видъ изданій воляѣ приличный. Довольно красивая обложка, хорошая бумага, виньетки, даже иллюстраціи — все это производитъ впечатлѣніе благоприятное. Правда, уже на обложкѣ чувствуется тенденція: на первыхъ комплектахъ въ центрѣ обложки стоитъ бравый солдатъ, сверхсрочный унтеръ-офицеръ, георгіевскій кавалеръ, и держитъ передъ читателемъ раскрытую книгу, на которой напечатано заглавіе разсказа и фамилія автора; на другихъ — невольно обращаетъ на себя вниманіе унтеръ, читающій вслухъ книжку какому-то убогаго вида деревенскому парню. Сразу видно подчеркиваніе просвѣтительной миссіи солдата, военной службы. Но эта маленькая нескромность не можетъ быть поставлена въ вину издателю: вѣдь книжки издаются для казармы, и, значитъ, маленькая переоцѣнка просвѣтительной роли солдата, пожалуй, и простительна.

Но, не смотря на приличную внѣшность, нельзя не признать

цѣну слишкомъ дорогой. Нѣтъ книжки дешевле трехъ копѣекъ, и эту цѣну берутъ меньше, чѣмъ за печатный полулистъ (напр., № 161—12 страницъ по 1000 буквъ); порой цѣна книжекъ доходитъ и до 20 копѣекъ, при чемъ такая цѣна далеко не оправдывается размѣрами книги (напр. № 266—87 стр. по 1080 буквъ, т. е. всего около трехъ печатныхъ листовъ).

Большая часть книжекъ написана спеціальными писателями г. Березовскаго. Наиболѣе плодовитыми среди нихъ являются гг. Тхоржевскій, Васильковскій, В. Потто, Д. Логофетъ. Нѣсколько книжекъ занято перепечаткою произведеній извѣстныхъ писателей, знакомыхъ намъ съ дѣтства. Но такихъ книжекъ въ «Библиотекѣ» г. Березовскаго очень немного: Пушкинъ занимаетъ шесть книжекъ, Лермонтовъ—одну, Гр. Л. Толстой—четыре. И если въ первыхъ своихъ комплектахъ г. Березовскій всетаки давалъ своимъ читателямъ-солдатамъ образцы произведеній названныхъ писателей-классиковъ, то въ послѣднихъ онъ дѣлаетъ уже иной выборъ; мы находимъ здѣсь Юрія Милославскаго, Рославлева, при чемъ эти сочиненія Загоскина разбиты на нѣсколько книжекъ, изъ которыхъ каждая продается по 17—20 коп., такъ что Рославлевъ въ изданіи Березовскаго обходится 68 коп., Юрій Милославскій—60. Это уже похоже на эксплуатацію.

Въ книжкахъ «Солдатской библиотеки» главнѣйшее мѣсто, какъ, пожалуй, и слѣдовало ожидать, отведено рассказамъ изъ военной исторіи. Одинъ изъ плодовитыхъ авторовъ, г. В. Потто, отмежевалъ себѣ почти исключительно область кавказскихъ войнъ и въ многочисленныхъ рассказахъ излагаетъ эпизоды битвъ, даетъ характеристики героевъ участниковъ войны. Многіе рассказы другихъ авторовъ тоже имѣютъ темой наши войны въ Турціи, Персіи, Суворовскіе походы, Отечественную войну, при чемъ, конечно, вездѣ мы встрѣчаемъ прославленіе и восхваленіе русскихъ героевъ. Всѣ рассказы изъ русской исторіи основаны, исключительно, на тѣхъ официальныхъ реляціяхъ, цѣна которымъ познается лишь тогда, когда подумаешь, что пишутъ ихъ сами военачальники о собственныхъ своихъ подвигахъ.

Другой циклъ рассказовъ, входящихъ въ «Солдатскую Библиотеку» это—такъ называемые военно-бытовые очерки мирной жизни, въ которыхъ авторы описываютъ эпизоды солдатской жизни и службы, въ большинствѣ случаевъ съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ дать нравоучительное заключеніе о необходимости исполненія какихъ-либо параграфовъ устава или цѣлесообразности извѣстныхъ правилъ внутренней жизни и поведенія солдата.

Очерки жизни крестьянства, въ изложеніи авторовъ «Солдатской библиотеки», по большей части сводятся къ восхваленію солдатской службы и тѣхъ выгодъ, которыя получаетъ солдатъ отъ усвоенія солдатской науки и воинской дисциплины, выдвигающихъ

его изъ среды односельчанъ и въ повседневной крестьянской жизни.

Встрѣчаются рассказы, посвященные изложенію просто казарменной жизни, безъ всякой претензіи на какую-либо мораль, напр., о батарейномъ козлѣ, ротной собакѣ, батарейномъ праздникѣ и т. п.

Наконецъ, довольно много рассказовъ охотничьихъ. Это описаніе природы и различныхъ случаевъ во время охоты. Обыкновенно случаи страшные, но большею частью оканчивающіеся благополучно или вслѣдствіе неустрашимости солдатъ, или благодаря распорядительности начальника.

Таковы главныя темы той массы рассказовъ, которая просто давить своимъ количествомъ и отсутствіемъ оригинальности творчества авторовъ, обыкновенно только заполняющихъ словами опредѣленный шаблонъ.

Кровавые подвиги войскъ на войнѣ, презрѣніе къ смерти, готовность жертвовать своею жизнью и проливать кровь врага, обиліе убійствъ и жестокостей—вотъ что проходитъ красной нитью черезъ всѣ рассказы, описывающіе боевыя схватки или подвиги отдѣльных лицъ.

Вотъ, напр., рассказъ солдата о первыхъ впечатлѣніяхъ къ бою (Тхоржевскій, № 1 «Царская награда»).

«Бѣгу, смотрю—Зоновъ съ туркомъ мучается; проткнулъ его штыкомъ, по самую трубку впустилъ, а тотъ руками за стволъ уцѣпился и не даетъ ружья—то вытащить; Зоновъ увидѣлъ меня, кричить:

— Ваня, помоги...

Я подскочилъ, ударилъ турка прикладомъ по головѣ и ему голову расшибъ, да и мой прикладъ въ дребезги разлетѣлся...»

То же мы видимъ въ рассказѣ «Дикій человекъ» (Тхоржевскій, № 5).

Вотъ еще рассказъ.

«Казакъ гикнулъ и наскочилъ на непріятеля съ такой быстротой, что многіе изъ конвойныхъ и выстрѣлить не успѣли. Въ одинъ мигъ казакія шашки искрошили французовъ, и захваченный обозъ былъ свернуть съ дороги и направленъ въ лѣсъ на бивакъ». (Тхоржевскій, № 15 «Самозванный генералъ»).

«Что тутъ такое произошло даже и рассказать не возможно. Бросились мы всѣ на турокъ и давай ихъ рубить, какъ капусту, а они до того оголѣли, что многіе даже и ружей съ плечъ не снимаютъ... «Тяжело было потерять столько товарищей, но за то мы утѣшились тѣмъ, что изрубили, по крайней мѣрѣ, вдвое больше непріятеля» (Тхоржевскій, № 34 «Лихая атака»).

«Саматъ, налетѣвшій на ошалѣвшихъ горцевъ, нѣсколькими ударами шашки повалилъ ихъ на землю, только одинъ, растерявшійся меньше другихъ, имѣлъ еще столько силы, что бросился было бѣжать, но Саматъ наскочилъ на него, сверкнула шашка— и го-

лова несчастнаго скатилась на землю...» «Всѣмъ его существомъ овладѣло какое-то новое невѣдомое еще ему чувство непреодолимаго стремленія впередъ, жажда налетѣть на что-нибудь, изрубить, уничтожить, стереть съ лица земли» (Тхоржевскій, № 41 «Ночная атака»)... Такъ авторъ рисуетъ настроеніе молодого офицера, впервые идущаго въ бой, въ набѣгъ.

Лихіе набѣги и чудеса храбрости, совершаемые горстью русскихъ войскъ противъ многочисленнаго непріятели, положительно пестрятъ въ разсказахъ. Ограничусь нѣсколькими примѣрами, считая существенно важнымъ отмѣтить эту характерную черту почти всѣхъ повѣстей о военныхъ подвигахъ.

Такъ, въ разсказѣ шт.-кап. Б. Адамовича турки на глазахъ пятидесяти семи русскихъ изрубили 6000 грековъ (изъ восьми тысячъ) и затѣмъ стали окружать русскихъ. «Стали турки подходить гуще и гуще, собралось ихъ, кольцомъ вокругъ насъ, 6000 человекъ, во сто разъ больше, чѣмъ было у капитана Баркова. А все-таки близко подойти боялись. Знаютъ, что русскій не грекъ,—легко не возьмешь». (№ 231 «Защита знамени»). Въ концѣ концовъ, не смотря на такое невѣроятное превосходство силъ противника, русскимъ удалось прорваться, унести раненаго капитана и спасти знамя. Весь разсказъ дышетъ невѣроятной, нелѣпой похвальбой.

«Здѣсь именно,—разсказываетъ г. В. Потто, — въ персидскую кампанію 1805-го года, русскій отрядъ въ 400 человекъ подъ командой полковника Карягина выдержалъ нападеніе двадцатитысячной персидской арміи и съ честью вышелъ изъ этого слишкомъ неравнаго боя» (№ 150, «Подвигъ полковника Карягина»).

«Минута—и двѣсти-триста казаковъ съ опущенными пиками врѣзались въ тылъ непріятели... Десятки тысячъ людей, несомнѣнно храбрыхъ, вдругъ дрогнули и, смѣшавшись, какъ робкое стадо, обратились въ неудержимое бѣгство» (В. Потто, № 84. «Подвигъ Платова»).

Я могъ бы заполнить цѣлыя страницы выписками, подобными вышеприведеннымъ, но думаю, что и этихъ достаточно, чтобы показать, съ какимъ упоеніемъ авторы пишутъ о кровавой сѣчѣ и какъ преувеличиваютъ они подвиги русскихъ, въ своихъ специально для солдатскаго чтенія сочиненныхъ разсказахъ.

Нужно ли это, полезно ли культивированіе въ солдатѣ кровавадныхъ инстинктовъ и видѣреніе преувеличеннаго представленія о своей мощи, это вопросъ другой, котораго я не касаюсь, а лишь ограничиваюсь констатированіемъ этой тенденціозности банальныхъ картинъ нашихъ авторовъ.

Что же является побудительной причиной, заставляющей воиновъ свершать чудеса храбрости и идти на геройскіе подвиги и вѣрную смерть?

Здѣсь всѣ авторы сходятся на одномъ. «Присяга» заставляеть

солдата (и офицера) исполнять честно свои служебныя обязанности, а надежда получить георгиевскій крестъ толкаетъ его на невѣроятныя дѣла.

Присяга и исполненіе ея—вотъ главный мотивъ, который выставляется во всѣхъ разсказахъ и это частое упоминаніе слова «присяга» какъ бы гипнотизируетъ читателя, которому къ тому же во время уроковъ «словесности» очень много и постоянно говорятъ о присягѣ и ея значеніи для солдата.

«Какой ты есть послѣ этого солдатъ, коли унываешь... Присягу позабылъ: до послѣдней капли крови», уговариваетъ одинъ плѣнный солдатъ своего унывающего товарища (К. Тхоржевскій, № 18, «Въ плѣну»). «Но чего не перенесетъ хорошій солдатъ? Какихъ трудностей, какихъ опасностей не преодолѣетъ онъ, помня, что даль присягу служить до послѣдней капли крови своему государю и отечеству», патетически восклицаетъ авторъ, воспѣвая гимнъ русскому солдату (К. Тхоржевскій, № 12, «Конвойный»).

«Кучукъ! Твой сынъ сдѣлался измѣнникомъ; онъ забылъ и присягу, и милости царскія, и дружбу Ермолова къ тебѣ...» говоритъ генералъ Вельяминовъ, арестовавъ сына Кучукова (В. Потто. № 148. «Смерть Джембулата-Кучукова»).

«Да и въ самомъ дѣлѣ зналъ онъ такое слово, съ которымъ ни страшны ни штыки, ни пули, и слово это было—«присяга». Такъ говоритъ авторъ разсказа, когда хочетъ выставить передъ читателемъ въ лучшемъ видѣ описываемаго имъ стараго фельдфебеля (М. Карауловъ. 243. «Колдунъ»); когда же онъ описываетъ другого привязаннаго къ службѣ стараго сверхсрочно служащаго фельдфебеля, вѣрнаго и точнаго исполнителя своихъ служебныхъ обязанностей, даже на старости лѣтъ не желающаго оставить роту, онъ влагаетъ въ его уста слѣдующія слова: «Ни, ни! не для того мы и присягаемъ, чтобы потомъ на селѣ хороводы водить или по трактирамъ съ гармоникой расхаживать» (М. Карауловъ № 255, «Перехитрили»).

Когда солдатъ хочетъ совершить какое-либо злое дѣло, проступокъ или преступленіе, то обыкновенно какой-то тайный голосъ шепчетъ ему: «Да развѣ это твое? Развѣ солдатъ затѣмъ принимаетъ присягу, чтобы сдѣлаться воромъ?» И, конечно, не осилить лукавый солдата: «Гдѣ ему солдата осилить, когда на немъ присяга!» (М. Карауловъ № 260, «Находка»).

Старый фельдфебель, поучая своихъ подчиненныхъ караульной службѣ говоритъ: «Храни Богъ съ поста сойти,—присяга святое дѣло», рассчитывая, очевидно, что это внушеніе, сдѣланное накануне выхода въ караулъ, будетъ дѣйствительнѣе всѣхъ прежнихъ уроковъ (Н. Борисовъ. № 114. «Страшный постъ»).

Укравшій деньги солдатъ измѣнилъ «и чести, и присягѣ». Но жестокая кара ждала его дома за эту измѣну: когда онъ возвратился домой (черезъ пять лѣтъ), старики, не узнавъ его, приняли

его за прохожаго, болтающаго о богатствѣ, и рѣшили угостить, для чего отецъ пошелъ въ трактиръ за водкой. Мать же, пользуясь минутой невниманія прохожаго (сына), убиваетъ его топоромъ (Н. Соловьевъ. № 223. «Подъ свѣтлый день»). Этотъ разсказъ вообще полонъ неожиданныхъ совпаденій и ужасовъ.

И чего, чего не заставитъ сдѣлать солдата данная имъ присяга! Разсказывая о Закаспійской области, одинъ изъ авторовъ раздражается слѣдующимъ заявленіемъ: «Вернулъ къ жизни эти мертвыя пространства никто иной, какъ русскій солдатъ, который, когда помнитъ присягу и честно служить, становится такимъ богатыремъ, равнаго которому по силамъ никого въ свѣтѣ не подыщешь». И когда солдату, служившему сторожемъ на желѣзной дорогѣ, случилось замѣтить приближеніе двухъ встрѣчныхъ поѣздовъ и почувствовать возможность столкновенія, то «перекрестился онъ, все и вся, кромѣ присяги, позабылъ и думаетъ про себя»... (Н. Герасимовъ № 96. «Два поѣзда спасъ»).

Желая похвалить исполнительность солдата, авторы и тутъ умѣютъ вклинитъ присягу. «Дорофѣевъ на это (лишній годъ службы) не жаловался, а по присягѣ, съ охотой и полнымъ усердіемъ, исправлялъ свои обязанности» (К. Тхоржевскій. № 48. «Смѣлымъ Богъ владѣеть»). «Ужъ ты не вояка, коли, присягу позабывъ, о домѣ вспоминаешь!» укоряетъ фельдфебель молодого солдата, подумывающаго о домѣ передъ выступленіемъ въ походъ въ Турцію. А когда этого солдата похвалилъ его любимый начальникъ, то «онъ рѣшился сражаться по присягѣ» (К. Тхоржевскій, № 51, «Кавалеръ»).

Все хорошее, что дѣлаютъ солдаты,—все объясняется присягой. Все это дѣлаютъ солдаты, «помня присягу» (А. Васильковскій. № 180. «Безчувственный; Сотникъ Орловъ». № 183. «Секретъ разрѣшилъ секретъ»). Стремленіе гипнотизировать читателя-солдата словомъ «присяга» такъ велико, что даже нежеланіе пить водку наши авторы умудряются объяснить имъ. Такъ, солдатъ Махортовъ, «помня присягу, никогда не напивался, ни во время исполненія служебныхъ обязанностей, ни даже просто днемъ» (А. Васильковскій. № 136. «Иванъ Махортовъ»). И даже жулики, свершивъ дурное дѣло, рѣшаются укрыться и обольстить начальство все тѣмъ же словомъ: «скажемъ, что нашли, и никакихъ денегъ за находку не желаемъ, потому что—присяга»... (М. Карауловъ. № 255. «Перехитрили»).

Я нѣсколько злоупотребилъ вниманіемъ читателя, дѣлая выписки изъ различныхъ разсказовъ, но, думаю, онъ не посяуетъ на меня за это, такъ какъ мнѣ существенно важно было отмѣтить общую всѣмъ авторамъ «Солдатской библіотеки» склонность внушать солдатамъ важность присяги и гипнотизировать ихъ просто частымъ употребленіемъ этого слова, которое, оставаясь непонятнымъ, все же представляется чѣмъ-то высокимъ, важнымъ, во имя чего можно и должно совершать подвиги, а подчасъ и насилія.

Солдаты отличаются отъ простаго обывателя тѣмъ, что онъ давалъ какую-то особую присягу, руководящую всѣмъ поведеніемъ солдата, и вполне понятно, что наши авторы, такъ высоко ставящіе эту присягу, должны приложить всѣ усилія, чтобы возвеличить въ глазахъ своихъ читателей званіе солдата.

Вотъ, на примѣръ, какой гимнъ русскому солдату приходится читать въ одномъ изъ рассказовъ.

«Ура тебѣ и слава! Ни врагъ, ни морозы, ни голодъ не страшны тебѣ, русскій воинъ, какъ и самая смерть, которой ты смотришь смѣло въ глаза, и смотри: потому что тверда твоя вѣра въ то, что для воина, исполнившаго свой долгъ передъ излюбленнымъ нашимъ батюшкой-царемъ и Св. Русью православною, всегда найдется вѣчное успокоеніе и райское житіе въ Царствѣ Небесномъ» (П. Герасимовъ № 241. «Всѣмъ денщикамъ—денщикъ»).

Да не подумаетъ читатель, что это я нарочно выбралъ, какъ единственный образчикъ.

Тотъ же авторъ въ другихъ рассказахъ вотъ какія рѣчи вкладываетъ въ уста дѣйствующимъ лицамъ-солдатамъ.

«Ну,—говорю,—про званіе солдатское ты не смѣй! Потому солдаты—званіе почетное и честное, и своему государю первый слуга будетъ!» (П. Герасимовъ. № 242. «Въ деревнѣ забота, въ городѣ опаска»).

«Я слуга государю и отечеству, а не слуга по вольному найму, потому, начальство мое меня миловать и награждать всегда можетъ, а отъ неизвѣстнаго мнѣ званія людей за царскую службу я денегъ брать не согласенъ!» Такъ говоритъ солдатъ—железнодорожный сторожъ, только что спасшій съ опасностью жизни отъ крушенія два поѣзда, за что ему пассажиры собрали и предложили деньги. (П. Герасимовъ. № 96. «Два поѣзда спасъ»).

Это пренебрежительное отношеніе къ не солдатамъ чувствуется въ очень многихъ рассказахъ.

«Да, братъ, это не то, что «вольный»,—презрительно усмѣхнулся Юрьевъ,—лѣзутъ по одному съ лопатами да прочей дрянью, цѣпляются, словно щенята за борова, а толку никакого, — только шуму надѣлали», похваляется солдатъ, когда, послѣ неудачныхъ попытокъ железнодорожныхъ рабочихъ сдвинуть вагоны, рота сдвинула ихъ легко (А. Васильковскій. № 135. «Въ ногу»).

«И гордость такая на душѣ: что, дескать, сиволаны, видите?»... «Я тебѣ, холопъ, не Сенька, а царской гвардіи Измайловскому полку унтеръ-офицеръ» (А. Васильковскій. № 133. «Антипъ и Семень»).

«Я не мужикъ, а отставной унтеръ-офицеръ, ваше высокоблагородіе» (Н. Соловьевъ. № 177. «Данила Ивановъ»).

Вотъ образчики пренебрежительнаго отношенія солдата къ «вольнымъ» вообще и къ своимъ однопорученцамъ - «мужикамъ» въ частности.

Одинъ изъ авторовъ этотъ взглядъ обобщаетъ слѣдующимъ образомъ. Разсказъ идетъ объ обученіи новобранца - бѣлоусса его же землкомъ-солдатомъ. И вотъ какія мысли вкладываются ему нашимъ авторомъ: «Онъ самъ былъ родомъ витебскій и не далѣе, какъ годъ тому назадъ также говорилъ по-бѣлорусски и «цокалъ», но теперь онъ считалъ себя человѣкомъ «полированнымъ» и презрительно смотрѣлъ на «деревенщину» (А. Васильковскій. № 128. «Скромный герой»).

Закончимъ наши выборки, показывающія, какъ трактуютъ писатели «Солдатской библіотеки» военную службу и званіе солдата, еще нѣсколькими примѣрами.

«Наконецъ, служба наша почетная, — царю служимъ, ни кому-нибудь другому... Знаешь, что такое «солдаты?» (А. Васильковскій. № 124. «На волю») «Ты нуженъ службѣ, царю, отъ чести нуженъ. Развѣ служба солдата — бездѣлье? Развѣ защитникъ родины послѣдній человѣкъ? Нѣтъ, братъ, почетнѣе и выше тебѣ дѣла не найти» (А. Васильковскій № 121. «Пріемышъ»).

Мы видимъ, что авторы, не приводя никакихъ доводовъ въ защиту и оправданіе военной службы, просто стараются подѣлать гиннозомъ и внушить солдатамъ повышенное предствленіе объ ихъ воинскомъ званіи.

А объ оригинальныхъ взглядахъ на военную службу вообще можно судить по слѣдующему объясненію недовольства ротнаго командира ошибками въ строю: «фронтъ есть святое мѣсто, въ которомъ, какъ въ церкви, ни о чемъ постороннемъ думать не полагается, а тутъ такая невнимательность!» (К. Тхоржевскій. № 37. «Солдатское горе»).

Къ слову «присяга» и возвеличиванію званія солдата и военной службы, безъ всякой попытки объяснить сущность и значеніе таковой, въ качествѣ стимула, побуждающаго военныхъ исполнять свои воинскія обязанности, прибавлены заманчивыя перспективы наградъ вообще и георгіевскаго креста въ особенности. Почти нѣтъ разсказа, гдѣ такъ или иначе не рисовались бы въ заманчивыхъ краскахъ ожидающія хорошаго воина награды. И украшеніе солдатской груди ставится, какъ признакъ выдающихся качествъ солдата. Уже если хотять изобразить наши авторы фельдфебеля, пользующагося вліяніемъ въ ротѣ и уваженіемъ солдатъ, то непременно къ описанію его прибавляютъ: «Четыре Георгія на груди».

Такимъ выставленъ, напр., Осипъ Михайловичъ Перекрутенко М. Карауловъ №. 229 «Солдатскій самосудъ»), таковъ — Иванъ Семеновичъ Орищенко (М. Карауловъ №. 225 «Перехитрили») и многіе другіе фельдфебеля и вахмистры, постоянно поучающіе своихъ подчиненныхъ.

Георгіевскій крестъ является предметомъ тайныхъ мечтаній и надеждъ солдата, идущаго въ бой или на какое-либо рискованное предпріятіе.

«А то, братецъ,—чуетъ мое сердце,—получить мнѣ сегодня георгіевскій крестъ»... весело отвѣчаетъ унтеръ-офицеръ Кошкинъ въ отвѣтъ на вопросъ своего сосѣда, отчего онъ такъ веселъ (К. Тхоржевскій. № 23. «Какъ Кошкинъ получилъ Георгіевскій крестъ»). И чутье его не обмануло, конечно. «Оно, положимъ, и на войнѣ побывать хорошо, можетъ и крестъ георгіевскій получу, то-то Настя рада будетъ». Такъ утѣшаетъ себя молодой солдатъ въ минуты горькаго раздумья передъ отправленіемъ на войну (К. Тхоржевскій. 51. «Кавалеръ»).

И не мудрено, что солдаты мечтаютъ о георгіевскихъ крестахъ: вѣдь ихъ настраиваютъ въ этомъ направленіи сами офицеры.

«О васъ я именно и думалъ—говоритъ поручикъ своимъ охотникамъ, посылая ихъ за «языкомъ».—Приведете языка, обоимъ по георгіевскому кресту будетъ»... (К. Тхоржевскій. № 55. На ловлю за Туркаму).

И ужъ, конечно, если описывается какой-либо подвигъ, то щедрою рукою сыпятся георгіевскіе кресты, какъ именныя, такъ и безымянныя. Вездѣ, во всѣхъ разказахъ георгіевскій крестъ выставляется, какъ стимулъ, заставляющій свершать подвиги; крестъ, награда, а не сознаніе долга, по мнѣнію авторовъ, должны двигать сердца людей и направлять ихъ на ратные подвиги. Чтобы еще болѣе возвысить въ глазахъ своихъ читателей-солдатъ значеніе георгіевского креста, наши авторы на перерывѣ стараются подчеркнуть, какъ солдаты гордятся своимъ крестомъ.

«Мало далось Семену, но онъ всетаки былъ доволенъ и счастливъ. въ лицо люлямъ смотрѣлъ смѣло и гордился своимъ, кровью добытымъ, званіемъ отставного капрала и георгіевского кавалера». (А. Васильковскій №. 133 «Антипъ и Семень»).

«Онъ заслужилъ уваженіе товарищей, а иначе такъ и затерялся бы онъ въ толпѣ, да еще чего добраго поплатился бы за свою робость въ бою а тутъ нако-сь, гляди,—онъ кавалеръ—двухъ Георгіевъ имѣетъ». Такъ размышляетъ солдатъ Прохоровъ, оглядываясь назадъ на прошлую службу свою и чувствуетъ въ немъ гордость своимъ званіемъ «кавалера» (М. Карауловъ. №. 243. «Колдунъ»).

А когда отставного солдата Тихона Лаврентьевича спрашиваютъ, откуда у него деньги, о чъ объявляетъ, что ему завѣщаль ихъ его эскадронный командиръ и съ гордостью заявляетъ: «Такъ, дура твоя голова, тогда война была, и я изъ боя своего, смертельно раненаго, эскадроннаго командира вывезъ, за это я и Георгія получилъ»... (М. Карауловъ. №. 260 «Находка»).

Было бы слишкомъ утомительно выписывать всѣ варіаціи на тему: «Я получилъ георгіевскій крестъ, а потому, значить, человекомъ сталъ». Эта мысль красной нитью проходитъ черезъ очень и очень многіе разказы. Это тоже является средствомъ загипнотизировать солдата, подобно «присягѣ» и «высокому званію солдата», котораго, какъ мы увидимъ ниже, не очень-то чествуютъ начальники.

Но прежде, чѣмъ отмѣтить обращеніе начальника съ солдатомъ, мы посмотримъ, какими красками наши авторы рисуютъ этихъ начальниковъ.

Почти во всѣхъ рассказахъ начальство изображено добрымъ, заботливымъ, ласковымъ и привѣтливымъ. Слово «отецъ-командиръ» такъ и сыплется на каждомъ шагу. И столько заботъ и вниманія оно проявляетъ къ своимъ подчиненнымъ, что невольно при чтеніи этихъ сентиментальныхъ рассказовъ проливаешь слезы умиленія. И любятъ же солдаты своихъ начальниковъ, готовы душу свою положить за нихъ... И такъ сверху и до низу.

«Понятно, что офицеры и солдаты боготворили Ермолова», повѣствуетъ намъ г. Потто, рассказавъ, какъ Ермоловъ повѣсилъ владимірскій крестъ штабсъ-капитану Гогніеву, называя его на «ты» (В. Потто № 190 «Взятіе Мехтулы»).

Командиръ батальона, подполковникъ Ковалевскій, былъ молодцомъ и «любили мы его лучше отца съ матерью», говоритъ солдатъ Сапожковъ своему собесѣднику Пшеничникову.

«Вотъ, вотъ, и мы также любили своего покойнаго,—царство небесное,—командира Петра Ивановича Полисадова», отвѣчаетъ ему Пшеничниковъ. Оба не нахвалятся своими отцами-командирами. (Н. Соловьевъ. № 195. «Подъ огнемъ и солнцемъ»).

«Господа офицеры были такіе, что дай Богъ всякому полку», «а лучше всѣхъ нашъ эскадронный: истинно отецъ родной» (А. Васильковскій. № 123. «Изъ-за пустяка»).

«Ротный командиръ, Поталицынъ, молодой еще человѣкъ, оказался хотя и строгимъ, но въ высшей степени добрымъ и ласковымъ» (К. Тхоржевскій. № 51. «Кавалеръ»).

«Славный человѣкъ былъ фельдфебель 14-й роты; старшій николаевскій служака, весь въ шевронахъ и медаляхъ, георгіевскій кавалеръ, онъ былъ истиннымъ отцомъ своей роты и подъ суровой внѣшностью героя крымской войны сохранялъ такое доброе, отзывчивое къ чужому горю сердце, такое, чисто славянское, добродушіе, что вся рота положительно въ немъ души не чаяла» (М. Карауловъ. № 243. «Колдунъ»).

Читатель видитъ изъ этихъ выписокъ, что за начальники у нашего солдата. Если бы мы прослѣдили всѣ рассказы, мы увидали, какъ солдату съ перваго шага вступленія на службу сопутствуетъ привѣтъ и ласка и доброе расположеніе со стороны начальства. Уѣздный начальникъ сразу узнаетъ, куда его слѣдуетъ назначить, полковой и ротный всегда оказываютъ ему привѣтъ и ласку (хотя и требовательны по службѣ), а ужъ фельдфебель и говоритъ нечего — лучше отца, матери. И фельдфебельша—словно мать родная солдату. «Матвѣя Ивановича (фельдфебеля) скоро вся рота полюбила, потому онъ, хотя къ службѣ и строгъ былъ, но зря никого никогда не обижалъ; особенно же полюбили мы его Татьяну Митреевну: ужъ и баба же была... Первый соргъ... Одно слово—солдатъ. Какъ

мать родная, ходила она за солдатами (К. Тхоржевскій. № 19. «Солдаты»).

Если прибавить къ этому хорошую пищу и то, что «начальство всегда сумѣетъ отличить молодца, будь онъ хоть въ рогожѣ»... (А. Васильковскій. № 121. «Приемышъ»), то читателю сразу станетъ ясно, что солдатская служба—рай.

И не только къ солдатамъ военное начальство ласково, оно столь же привѣтливо и къ постороннимъ. Вотъ, напримѣръ, о мытарствахъ старушки-солдатки. Всюду она терпѣла неудачу, и лишь полковой командиръ, къ которому она случайно обратилась, помогъ ей.

«Что съ тобой, старая?—спросилъ онъ насколько могъ ласковѣе». И помогъ ей устроить свое дѣло. Тутъ же, въ противоположность заботамъ полковника, открылось, какъ поднадуть ее какой-то «скубентъ» и какую ерунду написалъ онъ ей въ прошеніи (К. Тхоржевскій. № 8. «Бабушка Арина»).

Но впечатлѣніе райскаго обращенія начальства съ солдатами нѣсколько нарушается, если читатель обратитъ вниманіе на подлинныя слова, съ которыми обращаются начальники къ солдатамъ. Здѣсь жизнь прорывается сквозъ слащаво сентиментальныя построенія гг. авторовъ «Солдатской библиотеки».

Вотъ, напримѣръ, обращеніе ревизора-полковника, пріѣхавшаго на постъ пограничной стражи послѣ проществія.

«У васъ тамъ на посту Клуона полный беспорядокъ, штабсъ-ротмистръ, я ни отъ кого никакого толку не могъ добыть: дураки все какіе-то. Соберите здѣсь всѣхъ на кордонъ, кто участвовалъ въ задержаніи перваго августа: я долженъ переспросить всѣхъ этихъ болвановъ» (Логофеть, № 66. «Контрабанда задержана»). «Я тебѣ же, дуракъ, добра желаю», говоритъ фельдфебель новобранцу (А. Васильковскій, № 70. «Новобранецъ»). «Черезъ два часа пріѣхалъ ротный, хмурый и недовольный. Разнесъ выпучившаго глаза Черанева, обозвалъ его скотомъ и идіотомъ и прошелъ въ «сборню» (А. Варемѣвъ, № 116. «Оправдался»). «Одна паршивая овца вѣдь все стадо портить», говоритъ фельдфебель ротному командиру о солдатѣ.

Бранныя слова часто, очень часто попадаютъ въ разсматриваемыхъ разказахъ, и, повидимому, это никого не коробитъ, ибо это своего рода система; мы имѣемъ этому доказательство въ самихъ разказахъ.

«Здорово я пробралъ парня, ну вотъ онъ и сдѣлался человѣкомъ, какъ ему быть полагается», хвалится вахмистръ исправленіемъ солдата; правда, тутъ же и на той же страницѣ, чудо исправленія приписывается Богоматери, которая «услышала ея (невѣсты солдата) безхитростную молитву и направила безпутнаго человѣка на путь истины» (М. Карауловъ, № 254. «Быль молодцу не въ укоръ»).

Еще рѣзче и опредѣленнѣе говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ разсказѣ.

«Плюнулъ тутъ Перещукъ (фельдфебель) чуть не прямо ему (солдату) въ лицо, слушая его такія глупыя рѣчи, выругался, какъ слѣдуетъ хорошему начальнику, однако замоталъ все это себѣ на усь и сталъ думать долгую думу» (М. Карауловъ, № 243. «Колдунъ»).

Но что говорить о брани, когда въ разсказахъ говорится о бояхъ и даже угрозахъ убить.

«Доберусь же когда-нибудь я до тебя,—говоритъ тотъ же знакомый намъ фельдфебель Перещукъ воспитываемому имъ солдату,—въ цѣпи, и умрешь ты, какъ поганый басурманинъ, отъ нашей же русской пули» (М. Карауловъ, № 243. «Колдунъ»).

«Выдерутъ тебя, какъ сидорову козу, такъ въ этомъ я тебѣ могу свое солдатское честное слово дать». Такъ убѣждаетъ эскадронный вахмистръ Мищенко рядового Кулагина, котораго онъ только что здорово разнесъ. Онъ же, поймавъ въ воровствѣ этого солдата, говоритъ: «Эхъ, зналъ бы я раньше, что ты на такое дѣло способенъ, такъ вотъ, кажется, своими бы собственными руками тебя задушилъ, чтобы нашъ славный четвертый эскадронъ отъ позора избавить». И чтобы доказать, что это не пустая угроза, высказанная въ минуту досады и гнѣва, онъ, какъ бы съ сожалѣніемъ, поясняетъ: «Теперь-то, конечно, уже поздно: жидъ поднялъ гвалтъ, и я уже доложилъ обо всемъ эскадронному командиру». А еще далѣе, ужъ успокоившись, онъ говоритъ: «Со спокойною-то совѣстью я за честь мундира каждому изъ нихъ (обывателей, неблагопріятно отзывающихся объ эскадронѣ) шею свернулъ» (М. Карауловъ, № 254. «Быль молодцу не въ укоръ»).

Здѣсь, впрочемъ, мы входимъ въ разобранную уже нами область отношеній солдатъ къ «вольнымъ» и культивированія «чести мундира» взамѣнъ человѣческой чести.

Послѣ только что приведенныхъ образчиковъ отношеній начальника къ солдату стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ, какъ описанія внѣшности солдата въ родѣ слѣдующаго:

«Съ красной, загорѣлой рожей, точно голенище солдатскаго сапога» (К. Тхоржевскій, № 18. «Въ плѣну»), или какъ такія характеристики настроенія солдата: «Вѣстовой мой совсѣмъ обалдѣлъ» (К. Тхоржевскій, № 46. Первая смерть). Урядникъ такъ угрожаетъ казаку: «Командиру доложу, онъ те вздрючитъ» (К. Тхоржевскій, № 24. «Береги лобъ»).

Это уже мелочи, пустяки, о которыхъ намъ, военнымъ, и говорить не приходится—настолько мы привыкли къ такому деликатному отношенію къ солдату. И, конечно, солдаты-читатели въ этихъ послѣднихъ словахъ, прорывающихся у нашихъ авторовъ помимо воли, почувствуютъ больше правды, чѣмъ во всѣхъ слащавыхъ описаніяхъ «отцовъ-командировъ».

Мы видѣли выше возвеличеніе званія солдата и полупрезрительное отношеніе къ «вольнымъ». Ясно, что мы должны ожидать презрительнаго отношенія къ иновѣрцамъ. И мы не ошибемся въ своихъ ожиданіяхъ. Стоитъ прочесть нѣсколько рассказовъ, чтобы попасть въ атмосферу національной исключительности, враждебнаго отношенія къ инымъ національностямъ.

Больше всего достается отъ нашихъ авторовъ евреямъ, которыхъ постоянно чествуютъ наименованіемъ «жидъ», лишь въ рѣдкихъ случаяхъ употребляя слово «еврей». Въ этомъ отношеніи авторы «Солдатской библиотеки» наперерывъ изошряются другъ передъ другомъ.

«Ахъ, ты, образина ты жидовская!» выругался онъ (строевой солдатъ), ну пристало ли тебѣ винтовку въ рукахъ держать?.. Вѣдь испакостишь только ее, сердешную» и, какъ иллюстрація къ этимъ словамъ, приложена картинка, на которой изображенъ еврей въ комической позѣ, а надъ нимъ насмѣхается группа солдатъ; одинъ только фельдфебель шевронистъ, съ крестами и медалями, смотритъ на эту сцену серьезно и подъ конецъ урезониваетъ насмѣшниковъ (А. Васильковскій, № 138. «Кочегаръ»).

Конечно, если нужно сдѣлать какое-либо неблагоприятное сравненіе, то какъ-то всегда на память приходитъ еврей. «Ходилъ Кончурбаевъ, словно мышей давилъ, стрѣлялъ—вродѣ много жида бердичевского», и любопытно, что это презрительное сравненіе помѣщено въ рассказѣ, прикрытомъ такимъ хорошимъ заглавіемъ, какъ «Всѣ люди Божіи» (А. Васильковскій, № 165).

«Боязнью къ оружію, свойственной, напимѣрь, жидамъ, этого нельзя было объяснить», размышлялъ о новобранцѣ-землякѣ своемъ фельдфебель, когда замѣтилъ, что онъ исполнительенъ и усерденъ во всемъ, кромѣ занятій, связанныхъ съ обученіемъ дѣйствию оружіемъ. По наблюденіямъ фельдфебеля, онъ оказался сектантомъ, и «странные поступки земляка происходятъ отъ его особыхъ вѣрованій, не совсѣмъ желательныхъ въ военной службѣ» (А. Васильковскій, № 70. «Новобранецъ»). Воспитывая своего земляка, уничтожая въ немъ раскольничью отчужденность и убѣждая его взяться за оружіе и готовиться убивать людей, фельдфебель опять беретъ для сравненія еврея. «А коли всего цураться, да людей позорить—такъ это одна гордость да злость, какъ у... жидовъ», подобралъ, наконецъ, старикъ сравненіе. За то Христа онъ упомянулъ далѣе въ доказательство необходимости употреблять оружіе.

Область сравненія всего дурнаго съ дѣйствіями и поступками евреевъ у нашихъ авторовъ прямо неисчерпаемая.

«Чтобъ имъ околѣть, старымъ чертямъ—дерутъ такіе проценты, хуже жидовъ», говорятъ крестьяне о кулакахъ (Н. Соловьевъ, № 223. «Подъ свѣтлый день»). «Сшилъ какую-то шутовскую кацавейку, точно жидъ некрещеный сталь», такъ увѣщеваетъ старушка-мать своего сына, замѣнившаго крестьянскую одежду городской

(Н. И. Соловьевъ, № 180. «Лапотникъ и бархатникъ»). «Въ барскихъ хоромахъ, проходя мимо которыхъ, бывало, мужичекъ за версту снималъ свою изорванную и засаленную шапку, возсѣли разные «Грицки и Ицки»—жиды-арендаторы господской земли и, по истинѣ, кровопійцы крестьянскаго люда» (Н. Соловьевъ. № 177. «Данила Ивановъ»). «Мы не довѣряли армянской дружбѣ, жидовской къ русскимъ преданности, не вѣрили болтовнѣ ни армянъ, ни жидовъ и посылали тѣхъ и другихъ русскимъ словцемъ туда, куда Макарь телятъ не гонялъ»; таково было мнѣніе объ армянахъ и евреяхъ кавказскихъ войскъ, и можно себѣ представить какъ съ ними обращались они (Н. Соловьевъ. № 195. «Подъ огнемъ и солнцемъ»).

Если авторы хотятъ сказать о комъ-нибудь, какъ о послѣднемъ человѣкѣ, то, конечно, сравнятъ съ евреемъ.

«У насъ вся вторая рота Дунайскаго пѣхотнаго полка, начинающая съ ротнаго командира и кончая барабанщикомъ Ицкой, называла рядового Миронова не иначе, какъ маркитантъ», повѣствуетъ г. А. Васильковский въ рассказѣ «Перемиріе» (69).

Изобрѣтательность авторовъ доходитъ даже до того, что чортъ, «самый настоящій чортъ» — котораго поймалъ драгунъ, «жидомъ прикинулся»... «Пустите, господинъ служивый,—я, говорить, честный еврей...» (К. Тхоржевскій. № 30. «Драгунъ и чортъ»).

И даже въ обычномъ описаніи уличной толпы не пропускаютъ авторы случая кольнуть еврею. «Ну, извѣстно, музыка, пѣсельники, народу глазѣтъ страсть, жиды и жиденята кучами стоятъ». (Герасимовъ. № 242. «Въ деревнѣ забота—въ городѣ опаска»).

Разговоры съ евреями, надо сказать, ведутся въ очень деликатной формѣ. Вотъ образчикъ:

«Гдѣ же это Ицка дѣвался? Вотъ мерзавецъ. Нужно искать его!» («А, шельма, ты здѣсь, мнѣ только тебя и нужно было...»). «Хорошо, бестія, а если обманешь»... Вотъ какъ ведетъ бесѣду съ евреемъ-факторомъ пограничный офицеръ (Д. Логофеть. № 63. «Подшугили»).

Довольно выписокъ и цитатъ. Я извиняюсь передъ читателемъ за излишнее обиліе ихъ по вопросу объ отношеніи къ евреямъ, но, думаю, однако, что за то теперь ему это отношеніе вполне ясно.

И если такой духовной пищей питался русскій солдатъ долгое время,—а это была его почти единственная пища,—то, очевидно, еврейскій вопросъ усвоенъ имъ въ совершенно опредѣленномъ освѣщеніи, и не мудрено, что во время послѣднихъ еврейскихъ погромовъ мы видѣли русскихъ солдатъ не только равнодушными свидѣтелями происходящихъ грабежей и насилій, но даже участниками таковыхъ.

Еврейскій вопросъ это — лишь одна сторона національнаго вопроса. Нечего и говорить, что въ военныхъ разсказахъ, гдѣ описы-

ваются битвы съ турками, туркменами, и они, какъ враги и «нехристи», постоянно опорочиваются.

Вотъ, на примѣръ, налетѣвшіе непріатели «кричали, визжали точно цѣлый сонмъ чертей, сорвавшихся съ цѣпи». «Я то не вздохну, собачья твоя морда». «Собачій сынъ, некрещенная сволочь». «Сволочь» — вотъ какъ честить попавшій въ плѣнь солдатъ окружающихъ его туркменъ (К. Тхоржевскій. № 18. «Въ плѣну»).

О нѣмцахъ мы имѣемъ такіа показанія. «Ну, нѣмцы народъ хоть и глухой, а гордый». «Нѣмецъ суровый, ничего намъ не даетъ, кромѣ габеръ супа ихняго проклятаго и хлѣба». «А подойдетъ минута, такъ съ этой колбасы проклятой три шкуры сдеру». Эти лестные эпитеты взводный относитъ къ своему квартирному хозяину (К. Тхоржевскій. № 77. «Русская см калка»).

Я не останавливаюсь на этомъ вопросѣ болѣе, ибо и безъ дальнѣйшаго утомленія читателя ясно, что рассказы эти не относятся къ разряду тѣхъ, которые можно было бы рекомендовать для смягченія и ослабленія національной вражды. Напротивъ, все сдѣлано для того, чтобы разжечь страсти. Это тѣмъ болѣе странно, что въ казармѣ есть люди различныхъ національностей; это, повидимому, упустили изъ виду наши авторы.

Слѣдуетъ отмѣтить еще отношеніе къ женщинѣ, какъ оно проявляется въ разсматриваемыхъ рассказахъ.

«А ужъ извѣстно завсегда, гдѣ баба — тамъ и дымъ идетъ комысломъ. Все нечистый ворочаетъ, потому дюже охочъ до бабъ и черезъ нихъ етъ на людей всякую погань пуцаеть». «Да всѣ-то, значить, къ бабѣ подбираются, а она, значить, ото всѣхъ бѣгаетъ, и никому отъ нея ничего не отъѣлось» (Д. Логофеть. № 65. «Нечистое мѣсто»). «А бабы такіа гладкія, что ума помраченіе», расписывалъ прелести Аргентины одинъ солдатъ, задумавшій бѣжать. (Д. Логофеть. № 67. «Съ сердцемъ не совладалъ»).

Разъ, собравшись вмѣстѣ, драгуны разсуждаютъ о прелестяхъ жизни на постоѣ въ деревнѣ. «Ну, нѣтъ, самое-то главное пропустили, — снова усмѣхнулся Цвѣтлевъ — иенское-то сословіе забыли? А?» (А. Васильковскій. № 137. «Суди по себѣ»). «Бабы нашего брата, солдата, до добра не доведеть», вспоминаетъ солдатъ слова своего ротного командира (М. Карауловъ. № 260. «Находка»).

Нельзя сказать, чтобы добрыя чувства и высокое представленіе о женщинѣ вызывали эти рассказы.

Прежде, чѣмъ закончить свой, нѣсколько затянувшійся, обзоръ, я приведу здѣсь нѣсколько рассказовъ въ краткомъ изложеніи, чтобы показать читателямъ, какъ искусственно сшиты они; видна плохая работа и стремленіе погнать рассказъ подъ предвзятую идею, не стѣняясь анти-художественнымъ исполненіемъ.

Вотъ, на примѣръ, рассказъ М. Караулова «Находка» (№ 260). Задумалъ бѣднякъ-солдатъ посвататься къ дочери богатого односельца въ Питерѣ. Нужны деньги, — безъ денегъ не отдають.

Грустный поѣхалъ солдатъ изъ города въ лагери въ Красное село. Шелъ въ раздумьи съ вокзала и нашелъ по пути бумажникъ, въ которомъ насчиталъ три тысячи рублей, какъ разъ нужные ему для приданаго. Сначала онъ хотѣлъ уганть, но потомъ рѣшилъ представить ротному; оказалось—бумажникъ самого ротнаго, который и не спохватился о пропажѣ его. Но въ бумажникѣ было болѣе девяти тысячъ; поэтому ротный отдалъ три тысячи солдату, и тотъ живо сталъ женихомъ. Все кончилось дважды благополучно.

Разсказъ К. Тхоржевскаго «Смѣлымъ Богъ владѣеть». Во время пожара стетавной солдатъ спасаетъ дѣвочку пробѣжей барыни. Самъ онъ обгораетъ, слѣпнетъ и изъ работника-кормильца становится лишнимъ ртомъ. Слыша постоянныя упреки семьи, онъ, слѣпой, идетъ просить милостыню и случайно попадаетъ на хуторъ къ барынѣ, которая по разсказу его о причинѣ слѣпоты узнаетъ въ немъ спасителя своей дочери. Она оставляетъ его у себя. Благодаря заботамъ доктора, ему возвращается зрѣнiе, и онъ остается приказчикомъ. Такимъ образомъ, добродѣтель торжествуетъ.

К. Бубновъ (№ 170). «Капитанскія деньги». Получивъ отъ ротнаго порученiе получить въ городѣ деньги, фельдфебель по неосторожности началъ считать ихъ въ трактирѣ. Когда онъ сообразилъ, онъ испугался, чтобы его не ограбили по пути къ стоянкѣ роты. Тогда онъ вкладываетъ деньги въ хомутъ, вырѣзавъ для этого тамъ гнѣздо, и надрѣзаетъ гужи. Дѣйствительно на него напали разбойники; онъ хлестнулъ по лошади, лошадь рванулась, прорвала надрѣзанные гужи и убѣжала въ роту; фельдфебель потомъ съ трудомъ отбился отъ разбойниковъ. Деньги капитана были спасены.

А. Корольковъ (№ 286). «Въ Святую ночь». Отецъ прогналъ одного сына и дочь, уморилъ другого сына. Старшiй сынъ поступилъ на военную службу, дочь развратомъ промышлять стала. Старикъ принялъ къ себѣ бѣдняка, а тотъ прибралъ хозяйство къ рукамъ, а старика выгналъ. Пошелъ бѣдняга странствовать. Подъ Пасху онъ попадаетъ въ городъ, гдѣ служитъ сынъ. Ночью, усталый, онъ легъ на землю; въ это время на него наѣхала въ каретѣ дочь (лошади понесли), узнала отца, но не призналась; попала въ госпиталь и бредила отцомъ. Утромъ сынъ его, фельдфебель, возвращаясь домой съ землякомъ, набрелъ на старика. Тутъ же подвернулся полковой докторъ. Вылѣчали старика, въ которомъ фельдфебель призналъ своего отца. А докторъ привелъ изъ госпиталя и дочь. Все кончилось хорошо и даже дочь стала сестрой милосердiя.

И такъ до безконечности. Большинство бытовыхъ разсказовъ построено на сплетенiи такихъ случайностей и совпаденiй, которыя ясно показываютъ, что разсказъ не художественное произведенiе, а страши на заданную правоучительную тему. Вотъ, на примѣръ, разсказъ, написанный для того, чтобы показать солдату необходимость убiйства убѣгающаго арестанта.

Солдатъ стрѣлялъ въ убѣжавшаго арестанта, но намѣренно промахнулся, а убѣжавшій арестантъ убилъ и ограбилъ купца. Это очень подѣйствовало на солдата. Заключение — уставъ составляли люди умные (А. Васильковский. № 162. Пожалѣть).

Итакъ, къ какому же выводу мы можемъ придти послѣ всего изложеннаго?

Отличаясь отсутствіемъ литературныхъ достоинствъ, рассказы, рекомендуемые для чтенія, какъ духовная пища солдатъ, представляютъ изъ себя произведенія, написанныя съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ пояснить какой-нибудь параграфъ устава или подчеркнуть ходячую прописную мораль, а то еще хуже — мораль чисто солдатскую.

Проповѣдь челоуѣкоубійства, вражды военныхъ и «вольныхъ», челоуѣконенавистничество на началахъ національной розни, — вотъ основные мотивы большинства рассказовъ, и, конечно, воспитательное значеніе этой «Солдатской библіотеки», за которую казна и частныя лица платятъ издателю огромныя суммы, глубоко отрицательное. Если прибавить, что эти рассказы рекомендуются и усиленно распространяются въ войскахъ, то стыдно становится за армію, которую начинаютъ такимъ вздоромъ.

У насъ, конечно, не повернется языкъ сказать, что всю эту макулатуру надо просто сжечь — нѣтъ, мы можемъ только предложить отнять отъ нея право исключительнаго распространенія въ казармѣ и сдѣлать равно доступными солдату книги не только такого направленія. Тогда всякая книга найдетъ своего читателя, и мы вѣримъ, что хорошая, художественно написанная и пробуждающая лучшія чувства правды и добра книга вытѣснитъ эти книжки, рассчитанныя въ большинствѣ на разжиганіе дурныхъ страстей.

Право свободнаго доступа въ казарму всякихъ печатныхъ произведеній необходимо для того, чтобы армія могла стать безпартійной, каковой она должна быть по самому существу своей задачи.

Справедливость требуетъ сказать, что среди массы анти-художественныхъ и вредныхъ по идеѣ произведеній есть и хорошія. Къ такимъ мы причисляемъ почти всѣ рассказы сотника Орлова, въ которыхъ чувствуется талантъ; простые, безъ излишняго пафоса написанные, военные эпизоды г. Д. Л. Иванова; не претенціозные рассказы Бамбука и нѣкоторые отдѣльные рассказы тѣхъ плодовитыхъ авторовъ, о которыхъ мы говорили.

Но такихъ очень мало.

Большинство же книжекъ «Солдатской библіотеки» — никуда негодный хламъ.

К. Оберучевъ.